

РЕЦЕНЗИИ

Язык о языке. Сборник статей / Под общим руководством и редакцией Н.Д. Арутюновой. М.: "Языки русской культуры", 2000. 624 с.

Эта очень большая книга примыкает идеологически к серийному изданию "Логический анализ языка", хорошо всем известному и заслужившему репутацию проблемного и интересного, однако сама рецензируемая книга является заранее продуманным автономным произведением совместно работавшего творческого единения.

Именно этот том, в целом, очень важен для всех нас, лингвистов. Он говорит прежде всего о зрелости самой серии, уже способной поставить вопрос о саморефлексии, во-первых, и, во-вторых, о наметившемся повороте в теоретической лингвистике, который вновь возвращает лингвистов к проблеме Языка, а не только языков, и к извечной проблеме Слова, а не только слов. Видно, что лингвистика постепенно привыкает к шкалированной градуальности своего объекта и мучительно ищет способы ее описания.

В этом коллективном труде – 21 статья (или глава). За ними стоит большая работа, много размышлений и, несомненно, долгий этап семинарских дискуссий и обсуждений. Очевидна и направляющая роль руководителя темы Нины Давыдовны Арутюновой. В книге очень много важных наблюдений и интересных и свежих обобщений. Поэтому рецензия на такую книгу неизбежно должна быть "взглядом с птичьего полета", иначе получится "книга о книге".

Первое, что можно сказать об изучаемом авторами материале, это то, что в глубокой древности номинации были диффузны семантически, употребления слов пересекались, понятийное поле "языка" сближалось с другими полями и в течение многих и многих веков шла постепенная семантическая секуляризация номинаций. Но сложность в том, что наше употребление не есть забвение былого, но осколки прежнего почти нерасчлененного целого повсюду обнаруживаются – в застывших идиомах, в окказиональных употреблениях, в просто-

речии, диалектах. в фактах близко родственного языка и т.д. По этому поводу хочется привести замечательную цитату из работ В.И. Абаева: "каждый язык в своей грамматической и лексической структуре влачит в десемантизированном виде обрывки и клочья мировоззрений прошлого, в сильнейшей степени замаскированные и перепутанные процессами технизации" [Абаев 1995: 61]. Можно лишь добавить, что и "в семантизированном" тоже.

Это наблюдение о первоначальной размытости понятийного поля речевого, оставляющей след и при позднейшей секуляризации терминов, – вывод, общий для всех авторов сборника. Ср.: «Слова, относящиеся к полю говорения, в этимологической перспективе обнаруживают: а) размытость границ (не существует водораздела, отделяющего "слово" от "речи", "говорить" от "звучать" и т.д.); б) глубокие связи с многими другими семантическими полями; в) значимость для реконструкции культуры» (К.Г. Красухин. "Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские истоки", с. 42); «"Бытие", "мысль" и "речь" оказываются связанными воедино, и язык при этом является той данностью, в которой отражаются и мышление, и бытие» (Н.П. Гринцер. "Лингвистические основы раннегреческой философии", с. 56); "Состояние, которое отразили памятники русской письменности XI–XVII вв., характеризовалось максимальной недифференцированностью слов и их иными, чем в настоящее время, взаимосвязями" (И.И. Матеева. "Языковые концепты в истории русского языка", с. 155); "Итак, живая и мертвая метафоры слова язык взаимодействуют между собой причудливым образом, иногда трудно бывает утверждать наверняка, что в данном употреблении слова язык метафора скорее мертва, чем жива, а не наоборот, или, точнее, что она ни жива, ни мертва" (В.З. Демьянков. "Семантические роли и образы языка", с. 241); "Между

перечисленными типами не проходит четких границ" (Н.Д. Арутюнова. "Показатели чужой речи *де, дескать, мол.* К проблеме интерпретации речеповеденческих актов", с. 449); «Все рассмотренные слова многозначны, их значения диффузны и "зацепляют друг друга" как внутри каждого слова, так и внутри группы слов» (С.Е. Никитина. "Лингвистика фольклорного социума", с. 594).

Подобные трудности хорошо известны всем, кто занимается языками родственными, когда одно и то же слово в одном языке означает одно, в другом – другое, может принадлежать разным частям речи, разным стилям и под. Наконец, речевая доминанта синонимического круга может в родственных языках не совпадать. В этом отношении выделяется своей удивительной четкостью (при осознании размытости общего поля) статья С.М. Толстой "Славянские параллели к русским *verba* и *nomina dicendi*", которая выделяет "основное ядро" речевых глаголов в славянских языках: **govoriti, *kazati, *rekti, *mъlviti, *povědati/*povēdeti* и группу периферийных глаголов, после чего подробно обсуждает происхождение каждого из этих глаголов и их иерархическое место в славянском мире в целом и для каждого языка – в отдельности, представляя в конце статьи удобную для пользования таблицу-обобщение. То есть эту методически неприятную размытость понятийного поля С.М. Толстая сознательно делает изначальным теоретическим центром своих изысканий.

Однако очевидно, что при изучении поля речи авторы – лингвисты-профессионалы имеют дело с чем-то иным, чем в случае других, как будто бы так же размытых полей, с какими многие из них имели дело, работая над выпусками группы "Логический анализ языка". Поэтому кажется естественным и выход в ряде статей на почти художественное описание объекта, почему-то не поддающегося привычному лингвистическому анализу. Так, у Г.Е. Крейдлина в статье "*Голос и тон* в языке и речи" читаем: "Голос – это внутренний сколок человеческой души, это одна из самых загадочных и чарующих ее характеристик. В каждодневном гуле голосов мы счастливы различить голоса близких и друзей, голоса, живущие в нас вместе со своими неповторимыми интонациями. Но мы хорошо помним и голоса ушедших, нежность, обаяние и теплоту их интонаций" (с. 481).

Поэтому само название книги – "Язык о языке" – по сути своей также неуловимо

многозначно. Что это – речевые реликты "наивной лингвистики"? Данные современного языка о базовых концептах речевого общения? Можно предложить и здесь самые разные толкования.

Именно поэтому лучше строить рецензионное изложение этой книги не по "порядку" содержащихся в ней статей, а сгруппировав свой текст вокруг двух основных ее "значимостей".

Во-первых, **о чем эта книга?** Во-вторых, **какие в ней используются методы**, ибо здесь о своем объекте пишут высококвалифицированные профессионалы.

Итак, все авторы пишут о языке. О каком? Безусловно, о языке, скорее, устном, так как анализу не подвергаются тексты, буквы, "письмена", графические знаки и под. Даже существенное наблюдение Т. Янко (статья "Глагол *гласить*: от звука к знаку") о том, что глагол *гласить* сейчас в основном применяется именно к письменному тексту, эту данность не меняет. Вспомним однако идею М. Фуко, что в "классическую" эпоху эпистемой был именно мир как текст, который нужно было прочесть единообразным и правильным образом.

Какой конкретный материал анализируется в данной книге? В основном это русско-славянские данные с добавлением фактов из Ветхого Завета (С.А. Ромашко. "Язык и речь в Ветхом Завете"), фактов индоевропеистики (К.Г. Красухин) и сведений из античной грамматики (Н.П. Гринцер). Из этих трех статей извлекаются некие три начала: из статьи К.Г. Красухина сразу же возникает первоэлемент – Слово, этимологически связанное и со "слава", и "слушать/слышать" (к нему восходит наш *колокол* и ст.-сл. *глаголь*). Итак, Слово – "порождение двух основных актов речевого общения: говорения и слушания" (с. 26). Статья Н.П. Гринцера интересно демонстрирует сложность пути раннеантичных грамматиков, стремившихся к сознательному разделению, секуляризации концептов и единиц языка, преодолевая "наследственное от мифологического мышления принципиальное неразличение *слова* и *вещи*" (с. 49). С.А. Ромашко исследует особую концептуальную структуру религиозного текста: в Ветхом Завете описывается теология божественной речи, речь Бога существенным образом отличается от речи обычного человека. ибо она "является эманацией божественной сущности". Как видно и по другим текстам, особое отношение к Слово сохраняется где-то и в нашем сознании. Так, нельзя не отметить тонкое замечание И.Б. Левонтиной

(статья "Понятие слова в современном русском языке") о том, что "слово самодостаточно, в нем есть почти все, что вообще есть в речи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что слово часто понимается обобщенно — как речь, язык вообще" (с. 300). К этому могу добавить и от себя лично, что, в своих занятиях просодией и интонацией, я пришла к выводу о трех этапах эволюции этого уровня: до-словном (то есть уровне диффузионного квазивысказывания), этапе слова (его многие языки переживают и сейчас) и пост-словном (то есть этапе объединяющих группы слов коммуникативных контуров). Однако большинство лингвистов не могут отойти от некоей изначальности именно слова: так ими понимается "закон Вакернагеля", разного рода замещения, компенсаторные продления и т.д.

Итак, Слово действительно всегда располагается в Начале, имея в виду и наше "наивное" лингвистическое мировоззрение.

Какие **проблемы** рассматриваются авторами книги?

Во-первых, это выявление базового набора лексем, характеризующих "наивный словарь". Их оказывается не так много. Это — существительные: *язык, речь, слово, голос* (из истории языка — *глас*), *тон, значение, смысл*. Это — глаголы: *говорить, глаголать, молвить, гласить, беседовать*. Как будет видно далее, с одной стороны, некоторые из этих базовых концептов рассматриваются в книге на все расширяющемся фоне синонимов, с другой стороны, одни и те же концепты рассматриваются в нескольких статьях. Например, темы исследования Г.Е. Крейдлина и С.В. Кодзасова кажутся очень близкими, почти синонимичными: Г.Е. Крейдлин — "*Голос и тон* в языке и речи", С.В. Кодзасов — "Голос: свойства, функции и номинации". Однако эти статьи — о разном. Если так можно выразиться, для Г. Крейдлина голос и тон — это феномены нашего сознания, он описывает их как два ментальных концепта, а также их роль в коммуникации, их жизненную важность. Для С. Кодзасова существует "план выражения" голоса и тона — в том виде, как он воплощен в языке, важен перцептивный и прагматический аспект голоса и тона в их звуковом воплощении.

Во-вторых, авторов интересует эволюция концептов — иногда в достаточно большом историческом диапазоне. Так, много неожиданного для русиста, занимающегося современным языком, являют очень большие (наверное, самые большие в книге) работы

И.И. Макеевой: "Языковые концепты в истории русского языка" и "Концепт *слово* в истории русского языка" (в соавт. с С.В. Дегтевым). Из этих статей мы узнаем не только то, с какой быстротой семантика компонентов какого-нибудь понятийного поля, если использовать одно из любимых выражений Ю.М. Лотмана, "танцует кадрили" (так, *говорити* означало "шуметь", "свидетельствовать", а также "читать"; *слово* и *речь* были гораздо ближе друг к другу и др.), но и то, насколько реальны в нашем сознании эти "обрывки и клочья", о которых писал В.И. Абаев (так, многие смысловые компоненты древнерусской коммуникации существуют, будучи запрятанными в идиомы и клишированные обороты: *Вид его говорил о грубости* и т.д.). Оказывается также, что можно определить и аксиологию древнерусской речи: позитивно отмечается тот речевой акт, который не является длительным и не содержит повторов (с. 83). Сравнить с этим можно и интересное замечание С.А. Ромашко об общей установке на "нериторичность" древнееврейской коммуникации. К статьям И.И. Макеевой и С.В. Дегтева примыкает и статья Н.Б. Мечковской "Метаязыковые глаголы в исторической перспективе". Эта работа — более общего характера и привлекает данные ряда разных языков; по мнению автора, именно «метаязыковые глаголы являются не только "органической", но и наиболее естественной, "народной" частью метаязыка», а профессиональная лингвистика во многом связана с "обывательскими" представлениями о процессах общения (с. 363).

В-третьих, задачей авторов является демонстрация особенностей метаязыкового поведения анализируемых единиц в разных коммуникативных ситуациях и — более того — создание ими этих коммуникативных ситуаций. Именно эти вопросы обсуждаются в статьях Н.Д. Арутюновой "Феномен молчания", "Показатели чужой речи *де, дескать, мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов", а также в ее вводной статье к книге в целом "Наивные размышления о наивной картине языка". Феномен молчания в качестве коммуникативного акта рассматривается в статье Н.Д. Арутюновой детально. Хотя, как она замечает, в некоторых языках молчание, безмолвие и тишина обозначаются одним словом (с. 431), в центре ее работы — именно семиотически значимое молчание, не равное не-говорению и не равное тишине. Молчание — это особый знак, однако не

подлежащий верификации, он ориентирован на ненормативные ситуации, "молчание – не цель, а причина" (с. 423), и эта причина должна быть разгадана. Новое решение "ксенопоказателей" находим и во второй ее статье. Как будто общепринятым являлся тезис о том, что это – показателя чужой речи, цитирующие маркеры. Между тем, как показывает Н.Д. Арутюнова, подобные высказывания нацелены не на передачу "чужих слов", а на передачу "чужого смысла". Более того, они часто ориентируются на скрытый, неявный смысл чужой речи. Существенно и замечание автора о том, что для современной разговорной русской речи ксенопоказатели не характерны (с. 441). Как кажется, это замечание открывает путь к решению проблемы их современных замещений, к новым инновационным возможностям передачи "отстранения от себя слов Другого".

В-четвертых, в центре внимания оказываются уже не наборы различающихся ситуаций, а употребление метаязыковых компонентов в разных коммуникативных социумах: речь идет о статьях С.Е. Никитиной "Лингвистика фольклорного социума", Н.И. Толстого, С.М. Толстой "Имя в контексте народной культуры" (о статье С.А. Ромашко мы уже говорили выше).

И, наконец, в ряде исследований решает-ся достаточно привычная для семантических школ в целом задача различения смыслового содержания двух близких по смыслу лексем. Так, задача различения семантики у пары *речь/язык* решается в статье И.Б. Левонтиной "*Речь vs. язык* в современном русском языке", у пары *значение/смысл* – в статье И.М. Кобозевой "Две ипостаси содержания речи: *значение* и *смысл*", у пары *голос/тон* – в уже упомянутых выше статьях Г.Е. Крейдлина и С.В. Кодзасова.

Вторым важным для обсуждения аспектом рецензируемой книги является вопрос о **методах**, применяемых для получения иско-мых результатов.

Не имея возможности рассматривать все в этой интересной работе, остановимся лишь на тех методах, которые, по нашему мнению, должны быть выделены особо (об описании метаязыковых единиц через структуру "понятийного поля" мы уже говорили). Выше упоминалось и о приеме выделения этноязыковой лексической "доминанты" у С.М. Толстой.

Наиболее распространенным является у авторов книги прием "дистрибуции" определений, когда разный набор атрибутивов позволяет отделить синонимы или развести

значения многозначного термина. В наибольшей степени этот конструктивный прием доведен до конца у С.В. Кодзасова (его Приложение даже кажется очень удачным пособием для начинающего драматурга: как и в каких ситуациях обозначать тип звучащей реплики), но представлен этот прием и в ряде других статей.

Неожиданно ярко "работающим" оказался прием выделения "вещных коннотаций абстрактного понятия". Он наиболее явно применяется в статье В.З. Демьянкова, сочетающей живость изложения, эффективную наглядность обобщаемых конструкций и очень большую эрудицию. В.З. Демьянков разделяет "язык лингвистический" и "язык органический", то есть "орган речи". Оказывается, что язык лингвистический в своих прямых значениях – это язык-хранилище, это объект-инструмент, это язык-агнс и, наконец, – это язык-сцена. Также неожиданно язык "органический", помимо ожидаемого значения органа во рту, материала для блюда, оказывается языком-станком и языком-колоколом (переносно – это еще и пламя, и часть ботинка). Эта работа соотносится также с исследованиями Е.В. Урысон об "органах видимых и невидимых" в нашей картине мира и стимулирует к дальнейшему продвижению в мир "вещных коннотаций" (В.А. Успенский).

Анна А. Зализняк в этюдах, методически очень изящных, демонстрирует авторские возможности передачи этноязыковых особенностей текста (статья "Глагол *говорить*: Три этюда к словесному портрету"). "Ксенопоказателем", как демонстрируют ее примеры из Л.Н. Толстого, могут быть: прямая чужая речь + глагол *сказать*, русская речь + *сказать на X языке*. Возможны оба предыдущих варианта с добавлением акустической характеристики говорения, адекватной чужому языку. Возможны и более тонкие (через местоимения и под.) способы авторского обыгрывания языковой совмещенности в высказывании.

Если в большинстве статей исследование проводится индуктивно, от непосредственных данных языка, то М.Я. Гловинская (статья "Глаголы со значением передачи информации"), занимаясь языковыми средствами передачи информации, исходит из самой информации, адекватности/неадекватности ее передачи, полноты/неполноты и таким образом охватывает большое количество передающих информацию единиц языка. Подобный подход, как кажется, способен обеспечить большую адекватность материала, чем, быть может, прием индук-

тивный, когда исследователь идет от списка глаголов к передаваемой информации. Но чтобы ему следовать, лингвисту необходима проработанность сопоставляемой системы, которая в конкретном данном случае у автора есть. Так, М.Я. Гловинская, резюмируя, сообщает о том, что глаголы соотносятся: с новизной информации, ее актуальностью, важностью события, тайностью информации, ее временной ориентированностью и т.д. Глаголы рассказывают нам о статусе информации, ее полноте, характеризуют предмет сообщения, субъект речи, ее адресата, соотносительные статусы субъекта речи и адресата, а также оценку факта передачи информации со стороны говорящего (с. 414–416). Работа М.Я. Гловинской коррелирует с широко известными классификациями речевых актов лишь косвенно, поскольку они направлены не на информацию как таковую, а на намерения участников акта ее передать. Между тем, в самых последних комплексных исследованиях о происхождении языковых систем и эволюции протоязыков именно задача передачи информации начинается полагаться основной пружиной "языкового взрыва".

Специфическим параметром исследовательского отталкивания является и коммуникативная сфера, коммуникативное задание в статьях Н.Д. Арутюновой ("Феномен молчания" и "Показатели чужой речи *де, дескать, мол.* К проблеме интерпретации речеповеденческих актов"), о которых мы говорили выше.

Итак, несомненно, что детальное знакомство с этой книгой необходимо для всех, кто считает себя лингвистом. Оно не только необходимо, но и увлекательно. В целом же создается впечатление, что, как ни странно, для лингвиста наиболее надежно-конструктивным оказывается исследовательский путь, начинающийся "извне", за пределами собственно языковых фактов. Но, с другой стороны, прямое обращение к туманным и не всегда различаемым образам, идущим из далекого прошлого, помогает не предсказанным ранее интуитивным находкам и делает строгих профессионалов почти поэтами (на самом деле, это обращение к нестрогому и вдохновенному описанию есть, вероятно, иногда верный путь приближения по адекватности к объекту).

Некоторые дискуссионного характера вопросы все же возникают. Ряд из них носит принципиально-терминологический характер.

Например, судя по статье С.Е. Никитиной, не совсем ясно, что такое "фольклор-

ный социум", поскольку в этой работе обсуждаются: материал духовно-религиозного свойства (секты), тексты былин и просторечные записи. Насколько можно судить, основные языковые концепты в псалмах сектантов совпадают с общехристианскими трактовками: Бог есть Логос, Христос есть Слово и далее. Многое совпадает также и с далекими по времени данными С.А. Ромашко, и это вполне ожидаемо. Но тогда встает очень серьезный вопрос: можно ли тексты религиозного характера считать фольклором, если даже они и бытуют в "народном исполнении", и где грань между "народной" и общеконфессиональной традицией? Можно ли считать, например, ведийские гимны фольклором? Возможно, нет – так же, как различаются герой культурный и герой традиционный, как различаются миф и сказка и так далее.

Довольно сложным теоретически представляется вопрос о статусе так называемой "наивной лингвистики". Поскольку практически все феномены Универсума именованы (а именно сейчас имеет место взрыв интереса к возникновению протоязыка и к ономатам-именователям – тема, практически запретная уже более столетия), то тогда все оказывается компонентами какой-нибудь "наивной науки". Например, если сейчас будет сказано: *Смотрите, уже звезда на небе появилась!*, то получится, что мы ударяемся в "наивную астрономию", поскольку это, возможно, и не звезда, а планета, астероид, черная дыра и вообще что-то астрономически сложное. Однако в данном случае говорить о "наивной лингвистике" действительно можно, так как речь в книге идет только о толковании (в синхронии и в диахронии речеупотребления) именно базовых слов, соответствующих концептам лингвистики как науки. По результатам исследования видно, что человеческий социум все время перестраивал и перераспределял семантические функции базовых термов, которые совпадают со словами естественного языка. Таким образом, мы имеем право говорить о том, как язык постепенно описывал сам себя, и о том, какую это роль играло в человеческой коммуникации (об этом написано и в Предисловии к книге).

Сначала я не смогла также понять, что же такое может быть "семиотическое значение" слов (термин, встречающийся в целом ряде статей). Поскольку значение – это семантика, а семантика – это часть семиотики, а сам язык – это знаковая система, то сочетание "семиотическое значение" ка-

жется терминологическим нонсенсом. Создавалось впечатление, что это бывшее "переносное" значение. Впоследствии я поняла, что "семиотическое значение" – это НЕ-прототипическое, но характеристики этого понятия в книге нет.

Немного странно, что статья С.М. Толстой, рассказывающая о глаголах речи в современных славянских языках, помещена почему-то в разделе "Историческая перспектива".

Что же можно сказать в заключение? Только то, что эта замечательно интересная

книга сбивает спесь с нас, лингвистов, и зовет переходить от стерильных схем к манящему хаосу языковой реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И. 1995 – Понятие идеосемантики (1948 г.) // В.И. Абаев. Избранные труды. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.

Т.М. Николаева